

2 АГО 1955

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

ПИСЬМО ИЗ НЬЮ-ЙОРКА

Дорогая подруга!

Обещание есть обещание, и я исполню его: во время моего приезда в Москву прошлым летом тебе так хотелось узнать побольше о развитии народно-песенного творчества в нашей стране и особенно о том, как я стала исполнительницей народных песен. Что ж, с себя и начну — тут мои познания наиболее авторитетны.

Родилась я в рабочем районе Нью-Йорка, в Бруклине. В нашем блоке жили иммигранты из самых разных стран. Казалось, целый мир живет вместе. Запах различной стряпни наполнял коридоры: томатные соусы, перцы, солонина, капуста, фаршированная рыба — все это смешивалось здесь в одном интернациональном котле. Каждая семья говорила только на своем родном языке, и мы, дети, не понимая слов, дрались, любили, играли и защищали друг друга, объясняясь жестами, которые были красноречивее слов. Играли мы на улице, а по вечерам там же, на улице, пели и танцевали. Нас было так много в одном блоке, что мы создавали свои собственные «банды», не принимая никого из соседних кварталов. Мы считали детей из других кварталов своими врагами, и уличные перекрестки считались границами.

В нашей семье любили петь. У мамы был прекрасный голос, и, живи она в другое время, она бы стала замечательной оперной певицей, да и как тут было стать оперной певицей, когда она должна была подниматься в пять утра, чтобы затопить печку и начать ежедневную стирку и готовку. Папа зарабатывал девять долларов в неделю на заводе с потогонной системой. Папа был нашим семейным «импресарио». Он аранжировал песни и пел с нами вечерами по пятницам вокруг семейного стола. Окна мы держали широко открытыми, и все соседи могли нас слушать.

Наш блок был для нас целым миром. Остальной Америки не существовало. Я не видела ни коров, ни деревьев, да и настоящего синего неба не видела до шестнадцати лет, пока одна дама не взяла меня на прогулку за город. Больше всего мои родители хотели, чтобы я стала учительницей. Из малого жалования отца регулярно откладывались пенни для оплаты моего учения. Итак, я пошла в школу. Все годы учебы в старших классах и в колледже я работала по вечерам. Мама украдкой приходила на мои уроки музыки, танцев и актерского мастерства. Я не помню дня, когда я бы не развлекала своих родственников и друзей. Больше всего я любила танцевать. Жизнь, музыка, танцы были для меня неразделимы.

Однажды я поехала на каникулы в Мексику и там прониклась пением народа — его самобытностью и культурой, энергией и страстью, слезами и гордостью. Я влюбилась в эти песни и стала учиться игре на гитаре. Я играла ежедневно и помногу, так что мои пальцы были забинтованы, а сама я выглядела, как скаковая лошадь у финиша. Вскоре я возвратилась в Нью-Йорк с этими волнующими народными песнями.

Это были годы экономической депрессии. На городских улицах не было поющих. И вообще народные песни возникают не в городах. Там, в западных штатах, где бушевали пыльные бури, где доведенные до отчаяния люди покидали свои дома, чтобы найти работу на железных дорогах, фермах, судах, в остройшей борьбе безработных и тех, кто имел работу, рождались песни, полные истинного драматизма.

Именно в это время появились песни рабочих союзов, политические песни и блюзы. Сама ис-

ДЖИН МЮРЕЙ — исполнительница народных песен старшего поколения. Когда она уже выступала в США и других странах, ее соотечественники еще не знали прославленных имен Вуди Гатри, ватем Пита Сигера, Джоан Бааз и других. Как увидит читатель из публикуемого сегодня письма, присланного нам в газету, жизненный путь «девочки из Бруклина», рабочего района Нью-Йорка, был очень нелегким. Именно поэтому Джин Мюррей так дороги песни народа, то истинное искусство, которое противостоит любым искажениям дельцов, коммерсантов; искусство, утверждающее мир на земле.

ПЕСНИ— МОЯ ЖИЗНЬ

тория порождала их. Такие люди, как Пит Сигер, Вуди Гатри, Берл Айвз, ездили по стране с гитарами за спиной. Роскошные отели были не для них. Они спали на земле и в товарных вагонах. Они слушали людей и собирали их песни, а вскоре стали создавать исполнительские ансамбли. Их было еще не много, но они стали такой силой, что ФБР в своей брошюре «Как узнать коммуниста», выпущенной в то время, указывало как одну из примет коммуниста «исполнение народных песен».

Шло время. Репертуар мой ширился, я включила в него испанские, еврейские, американские, шотландские, ирландские и английские народные песни. Они были ритмичными, выразительными, их легко было петь всем сообща, и поэтому их популярность быстро росла. Однако каждый искал свое. Меня всегда интересовали не столько слова, сколько чувство и страстность мелодии, выразительность ритма. Поэтому я стала ездить по разным странам. Я даже принимала участие в шаманских церемониях, стояла в очередях, спала в лачугах, ходила в пустыню — все для того, чтобы найти песню там, где она рождалась.

Я чувствовала, что музыка должна быть средством объединения людей. Поэтому я приходила в колледжи и школы, в концертные залы и рассказывала о людях, чьи песни я пела. Тексты песен можно собирать и в библиотеке, сидя дома. Однако, путешествуя, я все больше убеждалась в одном: жилище, одежда, обычаи и язык людей могут быть различными, но мать в Африке поет колыбельную своему малышу с тем же чувством, что и мать в Мексике.

«Моя печаль — это мои песни», — так писал Генрих Гейне. По-моему, это является и точным определением народной песни.

В ПОСЛЕДНЕЕ десятилетие увлечение народными песнями в Соединенных Штатах стало повальным. Коммерческий мир не замедлил этим воспользоваться, и я не без интереса наблюдала, как песни, которые исполнялись нами ранее и в то время игнорировались «большим светом», теперь подхватывались всеми и имелись в каждом музыкальном автомате, в каждом кафе, особенно там, где собирались подростки.

Сегодняшняя молодежь повсюду носит с собой гитары, как

зубные щетки. Почти каждый учится играть. И здесь возникает парадокс: в силу этой массовой появляется опасность, что в настоящее время исполнение народных песен подчас становится имитацией искусства, лишенной подлинной глубины чувств.

Конечно, все песни разные и создаются они по-разному. Песни поются и нашими «цветами-битниками» в парках, и борцами за свободу на Юге, и молодежью, участвующей в нашем движении сопротивления агрессии, — все это не одно и то же. И было бы неправильно сваливать их все в одну кучу, как это пытаются сделать «умные» коммерсанты. В целом вопрос о роли народной музыки в Америке настолько интересен, что мог бы послужить темой нескольких будущих статей.

Вернусь к рассказу о себе. После многих лет выступлений в Америке и за границей я преподавала в колледже для учителей и воспитателей, работающих с детьми и взрослыми. Поскольку я всегда считала, что в пении отражается жизнь общества, не было ничего удивительного в том, что с возрастом беспокойства, нервозности и обособленности в жизни американцев я заинтересовалась возможностями музыкальной терапии и стала работать в госпитале для людей с многолетним расстройством нервной системы. И это тоже тема для большого разговора.

Очень многое хотелось бы еще рассказать, но нельзя же все говорить и говорить о себе, когда есть столько важных проблем, над которыми нужно подумать, столько прекрасных песен, которые надо спеть. С дружеским приветом и пожеланиями мира

Джин МЮРЕЙ.